

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Догунова

Мухи
творчества

Елена Ивановна Логунова
Мухи творчества
Серия «Смешные детективы»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65397661*

Мухи творчества: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-120684-0

Аннотация

Стоило супругу Алисы уехать, как неприятности сразу зашли во двор! И не только зашли, но и утащили голову одного из деревянных истуканов, которых муж-художник готовил для выставки. Кому понадобилась голова, которую и поднять-то трудно? Алиса, ничего не говоря мужу, вместе со своей подругой Лизкой решает найти похитителя и украденную часть экспоната до выставки. Но тут пропадает голова у второго, а затем и у третьего истукана! Разозленная Алиса обнаруживает, что странные вещи похищают в деревне не у нее одной...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

70

Елена Ивановна Логунова

Мухи творчества

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Логунова Е.И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

У Митяя в кармане звякнуло – пришло сообщение, и тут же мой мобильник повторил этот звук, точно эхо. Мы с братом одновременно достали телефоны и синхронно вздохнули:

– Лизка...

– У тебя что? – спросила я.

– У меня: «Хочу манго!» – а у тебя?

– А у меня: «Проследи за Митяем!» – как интересно... –

Я озадачилась, а братец напрягся.

У них с Лизаветой вообще-то идиллические отношения. Сюси-муси и все такое.

Звяк! Звяк!

Мне пришли необходимые пояснения: «Чтоб купил манго» и «А не авокадо, как в прошлый раз».

– А, вот в чем дело: я должна проследить, чтобы ты не взял авокадо вместо манго, – я успокоила брата и велела: – Поворачивай, нам нужно в гипер. Только там сейчас может быть это чертово манго.

Митяй охарактеризовал злосчастное манго совсем уж непечатно, но на ближайшем перекрестке послушно развернулся, и мы поехали в круглосуточный гипермаркет.

Лизкины желания братец чтит даже больше, чем Уголовный кодекс, а это что-то да значит, потому как Митяй у нас участковый.

Лизавета же приходится ему законной супругой, а мне лучшей подругой.

Мы с ней так близки, что даже замуж вышли в один день – по-моему, это доказывает, что настоящая женская дружба существует. Ведь обычно невеста желает быть главной и единственной героиней праздника под названием «свадьба».

Жених не в счет, он в традиционном понимании не столько герой, сколько жертва. Гости мужского пола смотрят на него с сочувствием, женского – с завистью или злорадством, и все без исключения думают одно и то же: «Попался!»

Почему-то считается, что узы брака – вождеденный дамский аксессуар, мужчинам они вроде как ни к чему. Хотя наши с Лизкой условно молодые супруги (им обоим уже под сорок) очень, очень хотели на нас жениться.

Митяй перед Лизаветой даже на колени вставал, держа наперевес помолвочное кольцо в лучших рыцарских традициях!

У нас с Андреем все получилось проще и притом оригинальнее: предложение руки и сердца было озвучено мимоходом, чуть ли не на бегу, и, кажется, сделала это я. Не помню точно, я тогда очень нервничала, потому как вместе с мужем получала и сына, а это, согласитесь, обязывает.

Тишке сейчас два года, из них восемь месяцев он жил в Доме ребенка, а три последних – в семье старшего брата Андрея, Максима Соколова, который оформил над мальчиком опеку.

Это непростая и безрадостная история: Андрей не был женат на матери Тишки, о ребенке узнал, сидя в тюрьме, куда попал по ошибке, и только теперь, сняв незаслуженную судимость и наладив личную жизнь (читай – женившись на приличной женщине – это на мне, ясен пень), может добиться разрешения забрать себе сына. Тогда у нас с Андреем и

Тишкой будет полная семья.

А у Лизки с Митяем тоже скоро появится ребенок: моя подруга умудрилась забеременеть в кратчайшие сроки и теперь изводит заботливого мужа капризами. То ей селедку в сахаре подавай, то вот манго среди ночи вынь да положишь...

– Манго-манго, манго-манго, а я маленький такой, – озабоченно бормотал Митяй, катясь по проходу в фруктово-овощных рядах и цепко оглядывая дары чужедальной природы.

Я шла следом, умиляясь и хихикая: Митяй не столько маленький, сколько кругленький, и озабоченность в его исполнении выглядит презабавно.

У моего двоюродного братца изумительные голубые глаза, белесые брови и очень светлые пушистые волосы. Посмотришь – одуванчик, а не мужик! Хотя на самом деле Дмитрий Палыч Синеглазов товарищ очень серьезный, надежный и основательный.

– Лясь, глянь, это же оно? – Митяй обернулся ко мне, поморгал вопросительно.

– Угу, молодец, ты не ошибся, это именно манго. – Я помогла брату выбрать спелый фрукт, и мы потопали к кассе, но шли не быстро, потому что по пути Митяй делал остановки, подбирая спелому манго подходящую знойную компанию.

В итоге вышли мы из гипермаркета с тяжелым бугрящимся пакетом, из которого задорно торчал колючий зеленый хвост

ананаса. Кроме него и заказанного Лизкой манго были куплены мандарины, апельсины, помело, хурма и личи.

– В названии фрукта «помело» ударение ставится на «е», а не на последнее «о», – сообщила я брату, когда мы уже сели в машину.

Как филолог и журналист, я вижу свою миссию в том, чтобы просвещать темные массы.

– Серьезно? – искренне удивился полномочный представитель темных масс участковый Синеглазов. – А я думал, это то самое помелó, с которым Баба-яга летала в ступе.

– Какая связь? – не поняла я.

– Прямая! Прикинь, таким снарядам с высоты на бреющем полете бабахнуть! Прибьет не хуже бомбы! – объяснил Митяй.

– Логично, – согласилась я. – Но вообще-то помелó – это метла.

– А вот это как раз нелогично, – заспорил братец. – Зачем кому-то в воздухе метла? Какая от нее там польза?

Разговор принимал интересный оборот.

– Возможно, метлой Баба-яга пользовалась не в воздухе, а в момент взлета или посадки? – предположила я. – Для толчка или, наоборот, как тормозом?

Митяй посмотрел на меня уважительно:

– А ты соображаешь, Ляська!

Я расправила плечи. Чутьочка похвалы периодически нужна каждому, а уж мне-то, нынче балансирующей на краю без-

дны уныния, она просто жизненно необходима!

Строго в продолжение темы полетов: мы с Митяем как раз ехали из аэропорта, где проводили в дальний путь большое семейство Соколовых.

Мой муж Андрей и его брат Максим с супругой и всеми детьми, включая нашего Тишку, улетели в Калининград на юбилей своего патриарха – деда Петра Максимовича. Меня, конечно, тоже звали с собой, даже настойчиво уговаривали, но я, признаюсь честно, струсила. Страшновато мне было предстать сразу перед всем большим кланом, хотелось для начала организовать более камерную презентацию.

Я виляла, хитрила, придумывала предлог, чтобы остаться дома, и вдруг он явился сам собой: неожиданно слегла моя тетка Вера, матушка Митяя. Лизка, конечно, заявила, что будет за ней заботливо ухаживать, у невестки со свекровью нетипично прекрасные отношения, но всем было ясно, что из беременной сиделка так себе, Лизавете и самой догляд нужен, а у Митяя служба, рабочий день ненормированный, он при всем желании двум своим любимым женщинам – супруге и маменьке – много времени уделять не сможет...

– Как жаль, Алисушка, придется тебе остаться, – вздохнул мой добрый муж, услышав и приняв все эти резоны. – Ну, ничего, ты не расстраивайся. Слетаем к предкам как-нибудь в другой раз, малым составом: ты, я и Тишка.

Как раз этот вариант меня вполне устраивал, и я, для приличия чуток поныв и похныкав, «смирилась» с суровой

необходимостью отказаться от участия в большом семейном курултае на Балтике.

И вот сегодня все остальные Соколовы улетели в свой Калининград, а я возвращалась в деревню Пеструхино – к беременной Лизке, занемогшей тетке и своему коту Шуруппаку, он же Шуруп или Шура, у которого нет никаких проблем со здоровьем, что вовсе не делает его питомцем бесхлопотным и легким в общении.

Кота я завела еще в городе.

Вернее, он сам завелся, без моего участия и одобрения.

Как-то я очень удачно попала в супермаркете на акцию с беспрецедентными скидками – магазин закрывался на реконструкцию, и абсолютно все товары продавались на сорок процентов дешевле. Устоять было невозможно, а я еще как раз зарплату получила, так что домой возвращалась с двумя увесистыми пакетами. Тащилась, буквально чувствуя, как вытягиваются под тяжестью завидной добычи руки, и думая с сожалением о забытых прекрасных традициях.

Вот зачем из нашей жизни и быта ушел такой прекрасный женский аксессуар, как коромысло?

Ходили же раньше бабоньки, элегантно водрузив на плечи расписную деревянную дугу с изящными крючками под ведра или иную ручную кладь.

Во-первых, это было красиво.

Во-вторых, наверняка не так фатально для осанки и общей пропорциональности телосложения, как эти проклятые

тяжелые пакеты, от которых руки рискуют стать длинными, а ноги кривыми.

Я прямо чувствовала, что стремительно откатываюсь по пути эволюции назад, приобретая отчетливое сходство с самой гиббона.

Пластиковые ручки пакетов больно врезались в ладони, и я периодически опускала свою ношу на землю, чтобы потрясти руками и восстановить кровообращение – это раз, и самооценку – это два. Без пакетов я выглядела симпатичной культурной дамочкой, некоторые мужчины мне даже улыбались. Хотя помочь донести покупки никто не предлагал.

Говорю же, напрасно забыты старые добрые традиции...

В какой-то момент в один из поставленных на землю пакетов залез бездомный котенок, и обнаружила я его уже только дома, и то не сразу.

Разобрав покупки и разложив их по полочкам и шкафчикам, я спохватилась, что не нашла среди покупок итальянскую сырокопченую колбаску-сальчичон, хотя в чеке она присутствовала.

Я уже было расстроилась, решив, что забыла колбаску в магазине, когда услышала странный звук. Он доносился из комнаты и походил на озвучку документального фильма о жизни бобров или гигантских жуков-древоточцев. Не хватало только добродушно-умильного воркования Николая Дроздова: «Своими острыми зубами эти милые создания без устали грызут...»

В комнате что-то грызли. Острыми зубами. Без устали.

Я заглянула туда – нет, телевизор не работал.

Начиная сомневаться в крепости своего рассудка, я крадучись обошла по периметру свое скромное жилище, осмотрела все его двадцать восемь квадратных метров и на одном из них, конкретно под креслом, обнаружила рыжего котенка, который слился в экстазе с колбасной палкой и самозабвенно грыз ее, урча и мурча одновременно.

Выбросить нахаленка за дверь я не смогла.

Не только потому, что выбросить его можно было только вместе с дорогой колбасой, от которой звереныш не отдирился ни в какую.

Я просто подумала: вот моя родственная душа!

Я ведь тоже очень люблю сальчичон.

Усыновленный кот был опрометчиво назван мной в честь автора древнешумерского воспитательного трактата «Поучения Шуруппака» и, похоже, ему как-то передалась страсть покойного тезки к морализаторству и назиданиям. У него что ни взгляд, то немой укор, что ни мяв, то страстная проповедь...

Предвидя, что по причине позднего возвращения домой я услышу немало кошачьих ругательств, я специально, чтобы умиловить Шуру, купила в гипермаркете хвост лосося. Для моего деревенского котика это изысканное лакомство: в пеструхинском продмаге рыба представлена исключительно килькой в томате и сардиной в масле.

Вспомнив о родной деревне, я машинально поглядела в окно: там, за рекой, параллельно которой тянулась дорога, как раз лирично светились красиво размазанные снежной дымкой огни Пеструхина.

– Может, срежем уголок? – заметив, куда я смотрю, задорно предложил Митяй. – Лед окреп, проскочим мигом, через пять минут уже дома будем. И как эффектно появимся!

– Эффектнее было бы только в ступе с помелом, – согласилась я, не спеша, однако, принимать поступившее предложение.

С одной стороны, тащиться еще добрых десять километров до моста, а потом возвращаться обратно в родные пенаты по другому берегу не хотелось. По льду-то можно в момент пересечь речку и через подобие каньона на другой стороне закатиться напрямик в мой двор. Он, кстати, теперь и Лизкин, потому что мои соседи Буряковы продали часть своего участка молодой семье Синеглазовых под строительство нового дома.

С другой стороны, предложение сократить путь определенно грозило неприятностями.

В годы детства, которое у нас с братцем эпизодически было общим, это Митяево «срежем уголок» неизменно дарило нам неожиданные и неприятные встречи с шипучими гусями, кусачими собаками и бодливыми коровами. На лихо сокращенном маршруте непременно обнаруживались могучие заросли крапивы, колючие кусты, овраги и ямы. Пару раз мы

так влезли в болото, однажды набрали на осиное гнездо, и еще, помню, был случай, когда я чудом не ступила в волчий капкан. В кое-что менее опасное, но очень вонючее, мы оба ступали неоднократно.

Поскольку на сей раз «срезать уголок» предлагалось по речному льду, я могла предположить, что подлунный путь наш разнообразят просверленные рыбаками лунки, просторные полыньи и массово вылезаящие из первых и вторых голодные обитатели глубин.

Не то чтобы кто-то уже видел в речке Синяве кракенов и ктулху – нет, народный фольклор о том молчал. Но все когда-нибудь бывает в первый раз...

– Нет, срезать уголок мы не будем, – осознав, что Митяй уже притормаживает, готовясь выкрутить руль и форсировать замерзшую реку, торопливо сказала я.

– Точно? Уверена? – братец соорудил просительную гримаску фасона «сиротка Марыся», и я заколебалась.

Митяй еще в детстве наострился трогательно и жалобно тарашить глазки-незабудки. В принципе, хорошо, что он не утратил это умение, оно пригодится ему в семейной жизни с Лизкой, которая та еще командирша...

Добиваясь от меня желательного ему ответа, братец остановил машину – и очень правильно сделал! Перед самым носом выжидательно замершей «Калины» внезапно проплыло что-то большое, округлое – я не успела это рассмотреть, но впечатлилась его габаритами. Вытарашилась – куда там Ма-

рысе-Митяю!

– Э-мнэ... Что это было?!

– Ты тоже видела? – Митяй близко сунулся к лобовому стеклу, но за ним уже снова открывался вид на пустую заснеженную дорогу.

– Видела, но не поняла – что...

– И я...

Мы переглянулись.

Митяй открыл свою дверь, и в теплый салон впорхнуло несколько крупных белых мух. Снегопад, о котором дядя Боря с метеостанции предупреждал, что он будет многосерийным, начал второй акт своего марлезонского балета. Вовремя мои улетели в свой Калининград, аккуратно в перерыв между сеансами снежной бури попали...

– Закрой дверь и рот, поехали уже, пока дорогу не засыпало, – отмерла я.

Митяй послушно тронул машину с места, и мы покатали дальше. При этом братец то и дело посматривал в зеркало заднего вида.

– Что там? – не выдержала я.

– Ничего. Но что-то ведь было. – Митяй немного помолчал, а потом осторожно спросил: – Как думаешь, что?

– Мне показалось, что слон, – призналась я, смущенно хихикнув: мол, понимаю, дичь несущий...

– Какой слон?!

– Ну, вообще-то слоны бывают двух видов: индийские и

африканские. – От волнения у меня сам собой включился режим просвещения темных масс. – Индийские поменьше – до трех метров в высоту, до шести с половиной – в длину, а уши у них вытянутые и заостренные книзу.

– А у африканских кверху, что ли? – заинтересовался Митяй. – Как у эльфов?

– У африканских слонов уши более округлые. – Тут я осознала, что говорю добродушно-умиленным голосом Николая Дроздова и осеклась.

Митяй посмотрел на меня как на ненормальную, но через пару секунд чертыхнулся, ударил по тормозам, вывалился в снежную круговерть и тут же в ней бесследно потерялся.

За бортом было темно и мело ого-го как, снег летел почти горизонтально, и выглядело это так, будто психованный невидимка яростно черкал мелом по школьной доске.

Я, перегнувшись влево и вывернув шею буквой «г», смотрела в оставшуюся открытой дверь, жмурясь от лезущих в глаза белых мух и ничего, кроме них, не видя, пока Митяй не вернулся.

Упав на сиденье, он захлопнул дверь, выжал сцепление, дал по газам и только после этого с ноткой отчетливого сожаления сказал:

– Нет, не слон это был.

– А кто?

– Не знаю. Следов я не увидел, а это кто-то здоровенный, должны были большущие отпечатки остаться. Хотя снегопад

такой, что и слона занесет, не только его следы.

– Может, это был лось? – предположила я. – Сиганул через дорогу, вот следов и не осталось.

– На восемь метров разом сиганул? Я ведь и на обочинах смотрел, нет там отпечатков кого-то крупного. И потом, откуда бы лось? Оно же двигалось со стороны реки.

Мне мигом представились те кракены и ктулху, которые не дождались, когда мы с Митяем сами к ним прикатим. Обманулись они, бедные, голодные, в своих гастрономических ожиданиях, вот и вылезли из полыньи, своим ходом двинулись к нам, как гора к Магомету...

– Да-а-а, – многозначительно протянула я. – Как мало мы еще знаем о секретах и тайнах родной природы!

Митяй покосился на меня и вспомнил:

– Кстати, о слонах. От манго не пучит?

– Слонов?

– Людей! Особенно беременных, я слышал, им это вредно, нет?

– Какой ты, Митяйчик, заботливый муж! – Я умилилась. – Не беспокойся. Я почти уверена: к нашему приезду Лизка уже расхочет манго и будет требовать что-нибудь другое.

– Угу, – братец кивнул. – Думаешь, почему я столько всякой разной ботвы накупил? Авось хоть что-то ей сгодится.

Лизке прекрасно сгодился соленый огурец. Она с хрустом грызла его, стоя на высоком крыльце, как на мостике корабля, и всматриваясь в метель. В рассеянном свете качающейся

над дверью лампы подруга походила на небольшую клетчатую пирамиду, потому как укуталась в просторный шерстяной плед в цветах клана Мак-Грегоров. Или Мак-Артуров, или Мак-Милланов – короче, каких-то шотландских горцев.

При нашем появлении Лизка сделала вид, будто вовсе не мерзла на крыльце, высматривая транспорт супруга, бог знает сколько времени, а вышла из теплого дома вот только что. Но я вылезла из машины раньше, чем Митяй, и успела заметить, как подруга отшвырнула недоеденный огурец, цапнула освободившейся рукой веник и начала непринужденно обметать снег со ступенек.

– Привет шотландским гастарбайтерам! – Я вошла во двор, отняла у Лизки веник и не без помощи последнего затолкала сопротивляющуюся подругу в теплые сени.

– Вы чего так долго?! – Лизка с нескрываемым подозрением оглядела меня с ног до головы. – Что-то случилось?

– Ничего не случилось, – я обошла ее и проследовала на кухню, где на стуле, загодя кем-то развернутом к двери, уже сидел грозно насупленный Шуруппак. Он уже даже рот приоткрыл, готовый к разгромной проповеди. – Повторяю: ничего не случилось! Мы просто заезжали в гипермаркет за покупками.

– Уау, – скандальным голосом сказал кот и хлестнул хвостом, как цирковой дрессировщик – бичом.

– Ты еще «Алле-гоп!» мне скомандуй! – возмутилась я. – Совсем обнаглел, морда рыжая... А я-то тебе лососика при-

везла...

– Муо? – кот приятно обрадовался, спрыгнул со стула, потерся о мои ноги.

– Так-то лучше! – Я взяла животину на руки, но Шуруппак ловко вывернулся, мягко бухнулся на пол, рыжей молнией просквозил через всю кухню и мгновенно воздвигся у своей миски.

– А дыню мне купили? – Лизка повернулась к вошедшему Митяю.

– Ты же просила манго! – опешила я.

– Дыню! Блин! – Митяй выпростал одну руку из-под объемного пакета, который нес, прижав к груди, и звонко хлопнул ею себя по лбу. – Вот думал же еще – надо и дыню взять! Но мы, кроме манго, кучу разной бурды привезли...

– Ананас, апельсины, мандарины, помело, хурму и личи, – добросовестно перечислила я. И дополнительно расширила выбор для капризули: – И еще хвост лосося.

– Ммо! – возмутился Шуруппак и наступил лапой на край своей миски, отчего она заплясала и задрезбуждала.

– Лосось твой, – одним жестом и двумя словами успокоила кота Лизка. – А дыню вы, конечно, зря не взяли, но ладно, чего уж... Давайте, что там у вас.

Митяй поставил на стол пакет, и подруга деловито закопалась в него.

Я выдала коту рыбий хвост, и рыжий хищник вцепился в него, будто его неделю не кормили.

– Я бы тоже чего-нибудь съел, – завистливо поглядев на хищно урчащего Шуру, сказал Митяй.

– Есть борщ и котлеты, – сообщила Лизка, вертя и придиричливо рассматривая ананас.

– По мамкиному рецепту? – обрадовался Митяй, без промедления ныряя в холодильник.

– Не сомневайся, в точности по мамкиному, – заверила его Лизка.

– И как это у тебя получается, хозяйюшка моя? – Митяй, одной рукой держа миску с котлетами, другой приобнял супругу. – Ляська вон сколько лет уже пытается мамкины котлеты повторить – и никак, не выходит у нее каменный цветок.

– Подозреваю, есть какой-то секрет, – обиженно заметила я и тоже цапнула холодную котлетку.

– Точно, есть секрет, но ты его скоро узнаешь, обещаю, – успокоила меня Лизка. – Так, стоп, а руки вы помыли, чтобы котлеты хватать?!

– Строгая! – подхалимски восхитился Митяй и, спешно затолкав в рот котлету, вскинул, как пленный фриц, пустые руки и ретировался в ванную, продолжая одобрительно мычать.

Наверное, хотел сказать еще: «Но справедливая».

Я ограничилась тем, что тщательно протерла руки влажной антибактериальной салфеткой.

Потом спросила подругу:

– Вы где сегодня ночуете? Тут или там?

– Тут, если не возражаешь, – ответила Лизка, откладывая внимательно изученный ананас и начиная так же пристально рассматривать манго. – Утром кирпич привезут, надо будет встретить машину и проследить за разгрузкой, не тебе же этим заниматься. Митя сам все проконтролирует, как раз до работы успеет.

– Угу, – я сунула в рот котлету и мысленно сделала себе пометочку: лечь спать в берушах, чтобы не проснуться в несусветную рань от сигналов и рычания грузовика.

Быстро и без церемоний поужинав – Лизавета Николаевна соблаговолили скушать хурму, – мы попарно разошлись по спальням: Митяй с супругой, а я с котом.

Снег окутал весь мир мягчайшей белой ватой. Дрыхла я сладко и безмятежно.

Понятное дело: еще не знала, что вскоре надолго потеряю покой и сон...

Раньше, когда мне нужно было ходить на работу в редакцию, утро у меня начиналось с будильника. Теперь, когда в уважаемой газете «Финансистъ», где я числюсь журналистом, всю нашу пишущую братию перевели на удаленку, мое утро начинается с кота.

Увы. Будильник был милосерднее!

Суровая кошачья морда нависает над моим лицом, как перегруженный аэростат, последовательно тычется в меня сна-

чала холодным носом, потом шерстяным лбом и напоследок щекочет усами. Затем морда слегка отодвигается, чтобы я, открыв глаза, могла хорошенько разглядеть и правильно оценить изображенное на ней глубокое недовольство, а заодно гипнотизирует меня пристальным взором круглых и ярких, как автомобильные фары, очей.

Затем выразительная картинка дополняется соответствующим звуком – скрипучим мявом, тоскливым и жалобным, как голос Макса Покровского из «Ногу свело», исполняющего песню про лежащего на перроне дедушку с рахитом и плоскостопием.

На рахитика упитанный Шуруппак никак не похож, но он мастерски притворяется, будто у него, пухнувшего с голоду, подкашиваются все лапы разом, и валится на меня всей своей десятикилограммовой тушей – обязательно мордой вперед, чтобы повторно поелозить мохнатой башкой по моей беззащитной физиономии.

В этот момент я, хоть и лежу еще, встаю перед выбором: поиграть в безнадежно дохлого енота или эффектно воскреснуть, ругаясь и отплеываясь от рыжей шерсти.

В первом случае представление будет повторяться, во втором – Шура, продолжая изображать умирающего, сползет с кровати и побредет, пошатываясь, к двери. Которую, кстати говоря, прекрасно умеет открывать самостоятельно, так что мог бы и не устраивать мне сцен, а просто пойти на кухню и откусать там сухого корма из миски. Но – нет, ему обяза-

тельно нужно, чтобы хозяйка воздвиглась, прониклась чувством вины перед бедным-несчастливым котиком и поспешила загладить ее, эту мнимую вину, чем-нибудь вкусеньким из холодильника. Его открывать, к великому своему сожалению, Шуруппак не может. Но учится и однажды, я уверена, сумеет.

Избавит ли это меня от утренней побудки наглой рыжей мордой?

Сомневаюсь.

Ритуалам свойственно сохраняться неизменными даже тогда, когда они напрочь теряют практический смысл...

– Иду, иду! – я спустила ноги с кровати, нашаривая тапки, и Шуруппак моментально вышел из голодного обморока, чтобы я не наступила на его распластанную тушку.

Была у нас с ним как-то раз такая трагикомическая история – перепутала я спросонья кота и теплую зимнюю тапку, тоже меховую...

Мы с Шурой вышли на кухню. Там никого не было, но пахло кофе и на столе лежал придавленный сахарницей бумажный лист. «Не верь коту, он уже завтракал!» – было написано на нем бисерным женским почерком. И ниже рукой другого, менее искушенного каллиграфа: «Дважды!»

– Так Лизка и Митяй тебя уже кормили! – Я развернулась к коту.

«Что? Нет! Вранье, навет, поклеп!» – мимически изобразил он, только что лапу к сердцу не прижал.

– Ладно, дам тебе один маленький кусочек колбаски, – сжалилась я.

Шура по-прежнему страстно любит сырокопченую колбасу. Жует ее, перебрасывая в пасти слева направо и обратно в маятниковом режиме и потешно жмурясь. За сальчичон, которому мы с Шуриком обязаны знакомством, мой кот продаст и душу, и тушу, но я знаю, что такая пища ему вредна, и не щедра на дозы лакомства.

Выдав котика кружочек колбаски, я отправилась в ванную, а потом прошла по дому, выясняя, остались ли мы с Шурой вдвоем, или же в гостевой спальне сладко посапывает Лизавета. Она вполне могла проводить супруга и снова завалиться в постель. Я бы на ее месте так и сделала.

Нет, Лизка не завалилась. Кровать в гостевой комнате была тщательно заправлена, плотные занавески раздвинуты и заложены за края подоконника так, чтобы обрамить проем аккуратными полукружьями, похожими на крылья. Это Лизкин любимый стиль, она обожает всяческую затейливую ламбрекенистость.

Я подошла к окну и уже в сотый, наверное, раз поправила шторы так, как нравится мне: чтобы полотнища с четкими вертикальными складками висели параллельно. Заодно поглядела за окно, которое выходит во двор, оценив произошедшие там перемены.

Под стеной сарайчика появились поставленные один на другой поддоны со стройматериалами. Затянутые в блестя-

щую пленку ряды кирпичей по-своему украшали заснеженный двор, образуя в нем единственный яркий акцент. Площадка перед сарайчиком, правда, была неэстетично истоптана и изрыта колесами, но очередной снегопад это быстро поправит.

Я отошла от окна, но остановилась, задумалась и снова к нему вернулась.

Картину мира в оконной раме изменили не только красно-коричневые кирпичи. Было еще что-то...

Вернее, еще чего-то не было!

Осознав, в чем дело, я громко ахнула и схватилась за голову.

Голова! Точно!

В группе резных деревянных истуканов, помещающихся левее сарайчика, не было прежнего единства. Один из чурбанов, как их ласково называет сам автор – мой муж Андрей, стал короче остальных на целую голову!

Я вылетела из дома, как была, в пижаме и тапках. Моментажно промочила ноги, замерзла и замерла перед истуканами, стуча зубами и не веря своим глазам. Потом спохватилась, вернулась в дом и, как утопающий за соломинку, схватилась за мобильник:

– Митя, караул!

– Что? Что-то с Лизонькой?! – перепугался братец.

– Не с Лизонькой, а с Андрюшиными истуканами! – я горестно всхлипнула, осознавая масштаб трагедии.

Резные истуканы – деревянная скульптурная группа, которую мой муж-художник готовит к престижной выставке. После двухлетнего пребывания в местах не столь отдаленных, когда Андрей вынужденно резал исключительно утилитарные вещи вроде ложек и свистулек, он замахнулся на масштабное авторское произведение и связывает с ним большие надежды. И Максим, а он у нас опытный галерейщик, считает, что амбициозные планы младшего брата обречены на успех: его чурбаны удивительны, прекрасны и на выставке произведут сенсацию.

Произвели бы...

– Один из них поврежден! – заревела я в трубку.

– Не может быть! – не поверил Митяй. – Я крайне внимательно следил, чтобы вся возня работяг ограничилась пяточком у сарая. Машина к чурбанам и не подъезжала!

– Тем не менее один из чурбанов стал существенно ниже других, а ведь они все были одинакового ро-о-оста! – завывала я.

– Спокойствие, Ляся! Только спокойствие! – братец тоже задергался – он не выносит женских слез. – Ну-ка, подбери нюни и зафиксируй повреждение на фото. И снимок сразу мне пришли! Только близко к чурбанам не подходи, чтобы не натопать там, вдруг какие следы еще есть...

Я снова вышла из дома, надев поверх пижамы куртку и сунув ноги в валенки. Так и сяк сфотографировала чурбаны оптом и в розницу с расстояния метра в три, сразу же отпра-

вила снимки Митяю в вотсап.

Через полминуты он перезвонил мне и сказал:

– Да-а, дела-а-а... Тут не поспоришь, один деревянный гражданин определенно лишился башки. Вопрос: каким образом? Ее срубили, спилили, отгрызли?

– Кто мог ее отгрызть? – я удивилась нелепости высказанного предположения. – Столбы из натурального дерева, почти сорок сантиметров в диаметре!

– То есть в суперпрыгучего лося ты готова поверить, а в гигантского бобра – нет? А еще говорила о секретах и тайнах родной природы! – припомнил Митяй.

Усилием воли я отогнала видение гигантского бобра (резцы наружу, ухмылка гнусная, матросской походкой вразвалочку идет в мой двор от реки, на заднем плане – напутственно машущие ему платочками кракен и ктулху) и сообщила по существу дела:

– Я с трех метров не вижу, рубили столб, пилили или грызли! Можно подойти ближе?

– Подходи, – разрешил Митяй. – Только аккуратно, не пляши там. Приблизилась, глянула – и назад по своим же следам.

– А тут никаких других следов, кроме моих, и нету, – проворчала я, подбираясь к истуканам по снежной целине глубиной сантиметров сорок, не меньше.

– Это на снегу их нет, а под ним вполне могут быть и следы, и улики, – авторитетно заявил участковый.

– Проклятый снег, – ругнулась я, набрав последнего в валенки.

– Да не скажи, – не согласился Митяй, сидя где-то там, в тепле и сухости. – Как раз благодаря снегу точно можно сказать, что башка пропала не позднее десяти часов вчерашнего вечера. На фото видно: на поврежденном истукане белая шапка такой же высоты, как на всех прочих, значит, его обезглавили еще до последнего снегопада.

– Точнее, в промежутке между вчерашними снегопадами, то есть где-то с девятнадцати до двадцати двух часов, потому что перед отъездом в аэропорт Андрей ходил проститься со своими чурбанами и заботливо стряхивал с них снежок, – припомнила я, подобравшись к обезглавленному истукану и смахнув с него новую снежную папаху. – Так... Не угадал ты, Митяй: башку не спилили и тем более не отгрызли. Ее свинтили!

– Это как?!

– А очень просто: Андрюша головы истуканов резал отдельно, они сработаны искуснее, чем тела, и соединены со столбами-опорами с помощью резьбы.

– Типа, башка накручена, как гайка на винт?

– Угу.

– Затейливо...

– Ага.

– Ну что ты заладила: угу, ага! – рассердился братец-участковый. – Все, не мерзни там, возвращайся в дом и

жди, я в обед загляну, осмотрюсь на месте преступления. А ты подумай пока, кому и зачем могла понадобиться голова деревянного чурбана. У меня, если честно, нет версий, фантазии не хватает...

Я лично на скудость фантазии никогда не жаловалась, поэтому к моменту назначенной встречи с Митяем придумала пару версий.

Озвучила их уже за столом.

Обедать участковый явился не ко мне, а в свой родной дом, куда и я была вызвана Лизкиным звонком.

– У нас сегодня фирменный «синеглазовский» гороховый суп с копченостями и сухариками, уже на столе, давай бегом! – скомандовала подруга и отключилась – небось и сама к столу побежала.

Я не роптала – и так планировала после завтрака навещать хворую тетку Веру, поэтому сменила наконец пижаму на свитер с джинсами, упаковалась в куртку-шапку-валенки и отправилась к родичам. Синеглазовы от меня недалеко живут – через три двора по той же стороне улицы.

А там меня ждал сюрприз, и это был вовсе не фирменный суп.

Тетка Вера, совсем не похожая на ту бледную скрюченную немочь, какой она была всю последнюю неделю, привычно кружила у стола, щедро наполняя тарелки трапезничающих.

Удивительно! А ведь еще вчера я кормила ее, болезную, бульоном с ложечки!

– Но как?! – замерла я в изумлении.

– Ты про чудесное исцеление от всех хворей? – Лизка с теткой переглянулись и захихикали.

– Я живу с интриганками! – мрачно молвил Митяй и поднял свою тарелку.

Тетка Вера привычно бултыхнула в кастрюле половником и налила сыночку добавки:

– Кушай, Митенька, супчик удался!

– Обманчик тоже удался, – буркнул Митяй и снова взялся за ложку. – Ляська, ты поняла, нет? Мамадя вовсе не больная.

– Слава богу! – я упала на табурет и обмахнулась ладошкой. – Уфф, отлегло...

– Она не поняла, – констатировала Лизка, глядя на меня со снисходительной улыбкой.

– Ляся, мамадя симулировала! – Митяй погрозил смущенной тетке Вере надкушенным хлебным ломтем.

– Да ладно? – я недоверчиво воззрилась на родственницу. Та поставила кастрюлю и всплеснула руками:

– А что было делать? Ты ж извелась вся, бедная! И не хотелось тебе ехать в этот их Калининград, а надо было, но ни в какую же, хоть тресни! Пришлось подсобить, – и тетка снова вооружилась половником. – Тебе погуще, пожиже? Как налить?

– Погуще, – машинально ответила я, подставляя тарелку. – Так это что же... Вы, значит, притворились умирающей,

чтобы Андрей позволил мне остаться, не лететь в Калининград со всеми вместе?

– И чтобы тебя при этом совесть не мучила, – встряла Лизка, уплетая натертый чесноком подсушенный хлеб с таким загорным хрустом, что мне вспомнился придуманный Митяем гигантский бобр.

– Стало быть, и котлеты вы сами жарили, а вовсе не Лизка? Даже не знаю, что сказать по этому поводу, – призналась я.

– А и не говори ничего, ешь, – велела тетка Вера и наконец тоже села за стол. – А когда поешь, объясни толком, что за беда у тебя там приключилась, а то Митяй непонятно рассказывает. «Чурбан секир-башка» – это что значит?

– Это значит... – я отложила ложку.

– Ешь, я сказала!

– Ешь, Ляська, я уже налопался, сейчас сам все объясню. – Митяй утерся поданным ему полотенчиком и пригляделся к пирогам. – С вишней?

– С яблоками. – Лизка потянула за край блюда, отодвигая его от ненасытного муженька. – Но пироги после, сначала объяснения.

– Ладно, – Митяй страдальчески вздохнул, посопел, изображая обиду, но смекнул, что долго дуться ему невыгодно – пироги-то остывают, и выдал скороговоркой: – Резных чурбанов во дворе у Ляски видели, Андрюхино художество?

Тетка Вера и Лизка синхронно кивнули.

– Ну, так вот, с одного из тех чурбанов кто-то башку снял, пропала она, – и братец, закончив экспресс-доклад, потянулся за румяным пирогом.

– Как пропала? Почему? – озадачилась Лизка.

Митяй пожал плечами, я развела руками. Бдительная тетка Вера, получив открытый доступ к моей тарелке, тут же набулькала мне добавки.

– Так, давайте думать, кому и зачем могла понадобиться деревянная башка? Соображаем, соображаем все, включаемся! – затарахтела Лизка.

Она умеет и любит организовывать мозговые штурмы. Как-никак, старший менеджер отдела маркетинга, наш лидер продаж.

– Может, ее стащили на дрова? – первой робко высказалась тетка Вера.

– Там поленница Буряковых совсем рядом, в ней нормальные сухие дрова, березовые, Сема целый грузовик взял по осени, – возразил Митяй. – Кому просто поленья нужны были, натырил бы без затей у Буряковых.

– А если это не в печь дрова, а, скажем, для мангала? – вступила Лизка. – Чурбаны же из какого-то особого дерева, не березовые?

– Ясьень, – ответила я коротко, спешно доедая суп.

Знаю по опыту детских лет: тетка Вера не позволит мне участвовать в разговоре, пока я не опустошу тарелку.

– Вот, ясьень, ценная древесина твердых сортов! – обрадо-

валась подруга. – Может, кто-то из нуворишей захотел особо выпендриться с шашлычком?

В паре километров от Пеструхина есть элитный коттеджный поселок, деревенские называют его «Поле чудес». Мне не нравится это название: по умолчанию получается, что мы, народ попроще, живем в стране дураков.

– С натяжкой, но принимается, – сказал Митяй, успевший вооружиться потрепанным блокнотом и замусоленным карандашом – из кармана форменных брюк их вытащил. – Еще версии?

– Гнет для бочки с соленой капустой, – предложила тетка Вера.

Митяй посмотрел на нее с сомнением, но вариант записал.

– Или оригинальная емкость, – подала голос я. – Там же внутри, в башке, есть отверстие для винта. Если перевернуть голову и набить внутрь землю, получится очень необычный горшок для цветов.

– Вот! – Лизка указала на меня надкушенным пирогом. – Что значит – творческая семья! Какие версии высокохудожественные! А мы – дрова, гнет... А ну-ка поднажали, Синеглазовы! Генерируем небанальные идеи!

– А может, резная башка тоже в подпольную коллекцию ушла, к буряковскому шишаку в пару? – предположил Митяй. – В отдел экспозиции «Сокровища деревни Пеструхино»?

– Тогда мы точно знаем, кого потрясти! – обрадовалась я.

– Господина Бойченко! – поддакнула Лизка.

Не так давно один морально нечистоплотный ценитель прекрасного, управляющий областным филиалом банка «Монолит» Роман Игоревич Бойченко, несправедным путем раздобыл для своей частной закрытой коллекции предметов искусства сокровище народного творчества – жемчужный головной убор, так называемый торопецкий шишак. Шишак этот был украден у моей соседки бабы Дуси Буряковой, и так получилось, что я, Митяй и Лизка распутали ту детективную историю ¹.

– Прямо скажу, мне не нравится Бойченко, а эта версия, наоборот, симпатична, – призналась Лизка. – Но разве пропавшая голова чурбана – вполне законченное произведение искусства?

– Нет, – вынуждена была признаться я. – Андрюша еще не сделал инкрустацию камнями и металлические детали. У чурбанов будут янтарные или бирюзовые глаза, коралловые губы и бронзовые кольца в носках и ушах.

– Вот видишь! Янтарь, бирюза, кораллы – это все ценное, с чего бы Бойченко тащить к себе в коллекцию некомплектный полуфабрикат?

– Тогда у меня больше нет версий, – призналась я.

– Значит, пойдём, посмотримся на месте, – братец встал из-за стола, и Лизка с теткой тоже вскочили. – А вы куда?

– А мне Алисина машинка нужна, у меня стирка набра-

---

¹ Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Купидон с жареным луком».

лась, не идти же с мылом к проруби! – не затруднилась придумать повод сообразительная Лизка.

– Чего к проруби-то, у нас тоже стиралка имеется, – озадачился Митяй и поглядел на маменьку, ожидая, что она выступит единым с ним фронтом.

Как же! Матриарху нашему тоже хотелось посмотреть на пострадавших истуканов.

– Наша стиралка несовременная, для растущей семьи нужно новую покупать, мне бы тоже надо научиться пользоваться такой, как у Алисы, – объявила тетка Вера и незаметно подмигнула невестке.

За спиной у Митяя две его любимые женщины бесшумно стукнулись в ладошки.

Говорю же, в семье Синеглазовых у свекрови и невестки прекрасные отношения.

В общем, мы пошли ко мне, как выразился братец, всем кагалом: впереди я с ключом от хаты, за мной Митяй с большой сумкой собранного для стирки белья, а позади тетка Вера с Лизкой под ручку, как добрые подруженьки.

Процессия привлекала внимание. Из-за заборов и из окон на нас поглядывали, с нами здоровались, нас обсуждали. И тоже строили версии:

– Смотри-ка, участковый Ляську кудысь повел, с вещами на выход, а родня ее, сталбыть, в долгий путь провожает...

– Не, это они ей так одиночество скрашивают, прогулками на свежем воздухе: мужик-то ейный, Ляский, уже тю-тю,

опять она удвох с котом осталася...

– А кот у ей, говорят, чистый тигра, жрет за пятерых, прокормить нереально, вот Митяй ему харчи и несет, вишь, в сумаре необъятном...

Скажу как филолог: тихая сонная деревенская жизнь – идеальная питательная среда для бредовейших сплетен и слухов. Когда-нибудь я непременно соберу и издам собрание сочинений пеструхинских народных сказителей. И это совершенно точно будет многотомник.

Подумав, что этак мои родичи Синеглазовы удостоятся отдельного тома на соответствующую букву, я замедлила шаг, чтобы поравняться с братцем и прикрыться его массивной фигурой от кумушек справа. От кумушек слева меня закрыли подоспевшие Лизка с теткой.

Кумушки, заметив наше выразительное перестроение, то ли усовестились, то ли обиделись, замолчали и вернулись к своим делам. Запарусили вывешиваемые на просушку простыни, заскрипели снегоуборочные лопаты, застучала выбивалка по ковру, наброшенному на забор.

– В лесу раздавался топор дровосека! – с воодушевлением прокомментировала шумный процесс зимней чистки ковров Лизавета.

– Не нервируй меня! – я вырвалась из окружения и заспешила, при упоминании дровосека с топором вдруг испугавшись за оставшихся во дворе чурбанов.

А ну как их в мое отсутствие тоже переполовинили?!

Но нет, чурбаны стояли как прежде: три высоких, один – обезглавленный – пониже.

– Кошмар, – сказала Лизка, остановившись, как велел Митяй, метрах в трех от группы деревянных истуканов.

– Просто жуть, – согласилась с ней тетка Вера и выразительно поежилась, отчего я усомнилась, что так она оценила возмутительный акт вандализма.

Тетка Вера – женщина простая, неискушенная. Для нее шедевральные резные истуканы – просто чудища, идолища поганые... Кстати!

– У меня еще версия! – сообщила я. – Что, если преступник руководствовался идейными соображениями? Типа, он истово верующий, например, такой ниспровергатель языческих кумиров?

– Оскорбление чувств верующих – это серьезно, – согласился Митяй, копошась в снегу у подножия безразличных ко всему истуканов. – Я, правда, не слышал, чтобы кто-то из деревенских чурбанов ваших хаял, но на всякий случай поинтересуюсь у батюшки Владимира. Некоторые наши околоцерковные бабки дико злоющие, зайди кто в храм не в том виде – зашипят, покусуют, и все из лучших побуждений... Так, нету тут ничего, никаких улик, – участковый разогнулся, отряхнул колени и ладони, пошел к нам. – Что, Лизочек? Чего ты так смотришь?

Лизка и вправду уж очень внимательно таранилась на чурбанов, склоняя голову то к правому плечу, то к левому.

– Я, Мить, прикидываю: кому вообще под силу утащить такую деревянную башку? Уж точно не церковным бабусям.

– Логично, – я сбросила капюшон куртки, чтобы почесать в затылке. – Сколько она может весить, такая голова? Сорок на пятьдесят сэмэ, массив дерева...

– Как та чушка, – без задержки решила задачку практическая тетка Вера, кивнув на колоду для рубки дров, стоящую вблизи соседской поленницы.

Митяй пошел туда, обнял «чушку», потискал ее и прокряхтел:

– Не-е-е, неподъемная-а-а...

– Значит, унести никак, только увезти можно, – сделала вывод Лизка. – Но я клянусь: вчера, как вы уехали, так больше до самого вашего возвращения машин тут не было. Никаких! Я специально прислушивалась, ждала же...

– Это мог быть какой-то бесшумный транспорт, – сказала я и с намеком кивнула на санки, пристроенные у поленницы. – Сосед наш дровишки до своего крылечка на салазках возит, и голову точно так же могли утащить.

– А ну-ка! – Митяй метнулся за соседскими дровяными санками, повозился, опять прокряхтел и успешно перевалил на них колоду. – Ну вот! Следственный эксперимент показал, что версия с салазками вполне жизнеспособна! – И, добросовестно продолжая эксперимент, он впрягся в санки и резво покатил колоду по двору.

– Вези к калитке, поедем к нам, у меня же есть напольные

весы, взвесим на них эту чушку! – азартно предложила Лизка. – Узнаем приблизительный вес пропавшей башки!

Идея всем показалась отличной, и через минуту мы уже катили по улице.

Шли красиво!

Впереди – участковый с детскими санками в поводу, за ним тройкой выпряженных лошадей мать, сестра и жена участкового, а в центре процессии и внимания – неясной степени родства деревянная колода, гордо высящаяся на задорно посвистывающих салазках.

– Гля, как тренируются! Ребяенок и не родился ишшо, а они уже готовятся катать его! – оценили новое зрелище деревенские кумушки.

– Папка, мамка, бабка, я – очень дружная семья!

– Ежели пацан будет – Буратиной назовут!

Взвешивать на глазах у кумушек деревянного дублера будущего пацана мы не стали, это было бы уже слишком. Закатились во двор, закрыли за собой калитку и перевалили Буратину на принесенные Лизкой весы кулуарно, под надежным прикрытием непроглядного сплошного забора.

– Сорок девять триста, – озвучил результат контрольного взвешивания Митяй. – Да, церковных бабусек из списка подозреваемых можно вычеркнуть, им, чтоб такую тяжесть унести, целый крестный ход собирать пришлось бы.

– В одиночку, пожалуй, с таким весом никому не справиться, – рассудила я. – Кроме разве что профессиональных

штангистов...

– В деревне есть качалка? Ну, спортзал с фанатами силовых видов спорта? – спросила Лизка, не успевшая еще толком освоиться в благословенном Пеструхине.

– При школе есть. – Митяй снова вытянул из кармана блокнот и карандашик, сделал соответствующую пометочку. Спрятал канцелярские принадлежности, посмотрел на наручный хронометр: – Так, давайте-ка оттарабаним дровину обратно, у меня обеденный перерыв не резиновый.

– Стой! – Лизка снова сгоняла в дом и вернулась с полотенчиком. Прикрыла им колоду на салазках: – Чтобы меньше разговоров было...

Наивная! Разговоров стало только больше!

– Ой, глядите-ка, Буратину уже с головой укрыли, совсем плохо дело! – загомонили кумушки.

– Небось салазки опрокинулись, вот он и зашибся насмерть!

– Правильно, что загодя тренироваться начали, к живому ребеночку как раз настропалятся!

– Что, Верка, не уберегла своего деревянного внука? Теперь стеклянного и оловянного заведешь?

Под градом шуточек мы с ускорением прогалопировали до моего дома, влетели во двор и с разбегу вывалили колоду на ее законное место под соседскую поленницу.

– Уфф! – Митяй смахнул пот со лба. – Уйду-ка я от вас огородами, что-то неохота мне еще серию бабьих выдумок

слушать.

– Ты только насчет исчезнувшей головы не распространяйся, – попросила я. – Молчи как рыба! Не хочу, чтобы это до Андрюши дошло. Мы же найдем пропажу до его возвращения, правда?

Я с надеждой и мольбой посмотрела на брата-участкового, даже ладошки сложила просительно.

– Будем стараться, сделаем все возможное, – как-то дежурно пообещал Митяй и, чмокнув в щечку Лизку, огородами пошел к родному дому и припаркованной возле него машине.

– Мне кажется, даже в этом случае не стоит всецело полагаться на полицию, – проводив мужа задумчивым взглядом, сказала Лизка. – Давайте-ка, бабоньки, развивать семейные традиции частного сыска. В прошлый раз у нас была операция «Три поросенка», а теперь будет... м-м-м...

– «Четыре истукана», – подсказала тетка Вера.

– Четыре с минусом, – пробурчала я, имея в виду, что один из истуканов уже неполноценный.

– Выше нос, Алиса Юрьевна! – подруга хлопнула меня по плечу. – Мы с тобой и прежде, бывало, теряли головы, разве нет? Все образуется, не унывай... Пошли стиралку загрузим.

Тетка Вера оставила нас, вспомнив, что к ужину нужно купить хлеба. Мы не удерживали ее, понимая, что за те дни, когда бедная женщина самоотверженно изображала лежащую

больную, она соскучилась по общению, а магазин в деревне – центр социальной жизни. Хотя наш завклубом Епифанов мог бы с этим не согласиться, он искренне считает пламенным сердцем Пеструхина свое богоугодное заведение.

– Вы только говорите там поменьше, а слушайте побольше, – напутствовала я тетку, и та отправилась в лабаз.

Лабазом я называю ближайший к нам магазин старомоднейшего фасона. Это бревенчатый домик с маленьким окошком, вечно до половины заложённым картонкой с надписью «Ушла на пять минут». В Пеструхине есть ещё небольшой супермаркет, но он находится у выезда на шоссе – в стороне от кипучей деревенской жизни, и местные жители им пренебрегают.

Мы с Лизкой сварили себе кофе и под размеренное гудение стиральной машины вчерне составили план работы частного сыскного агентства «Алиса и К».

Название, кстати, придумала Лизка. Я возражала:

– Ладно, Алиса – это я, а что за «К»? Кэрролл, который Льюис? Кролик, приятель Безумного Шляпника?

– Красная Королева, – с намеком приосаниваясь, предложила ещё вариант подруга. – Или Кот Чеширский, где он тут? Кис-кис... Короче, чем страньше, тем лучше, это же детективное агентство, оно имеет дело с секретами и должно называться таинственно.

Я сдаюсь. В конце концов, Страна Чудес – это гораздо лучше, чем Страна Дураков. И вообще, агентство у нас

неофициальное, озвучивать его название мы нигде не будем, так что вообще без разницы – «Алиса и К» или там «Маша и М», «Петя и В», «Дед Мазай и З», «Белоснежка и семь Г»...

– Первым делом надо выяснить, не видел ли кто вчера вечером на нашей улице человека с нагруженными санками, – сказала Лизка. – Это мы поручим Митяю, у нашего дорогого участкового в деревне широкая агентурная сеть. Потом узнаем, не было ли в последнее время в округе странных краж. Вдруг в Пеструхине завелся клептоман, который тырит все, что плохо лежит...

– Деревянная голова лежала очень хорошо, – напомнила я. – Она была крепко привинчена, так что прихватить ее мимоходом не получилось бы.

– Ну я не знаю, может, это такой клептоман, которого вдохновляют именно трудные задачи, – поменяла вводные подруга. – Вот и узнаем, не пропадало ли в деревне еще что-то сомнительно ценное, но труднодоступное.

– Это тоже поручим Митяю? – предположила я.

– Конечно, у него же есть доступ ко всем источникам.

– А сами что будем делать? Если все поручим Митяю?

– Как что? – совершенно искренне удивилась Лизка. – Митяя вдохновлять! Ну и думать, конечно. Возьмем на себя функции мозгового центра! Между прочим...

Тут она нахмурилась и посмотрела на меня с укором:

– Я просила тебя придумать вопросы для мозгоправа. И где они?

– Э-э-э... В голове пока, в мозговом моем, стало быть, центре, – заюлила я, почувствовав себя виноватой.

Лизка еще на прошлой неделе договорилась о большом интервью с директором центра психологической помощи, а я была так занята подготовкой к отъезду мужа и своими собственными переживаниями по этому поводу, что безответственно забила на работу и даже не открывала ноутбук.

– Я прямо сейчас сяду за комп, и через полчаса у тебя будут нужные вопросы, – пообещала я подруге, подхватываясь, чтобы убежать в свой так называемый кабинет.

Не успела: у Лизки зазвонил телефон, и я задержалась, любопытствуя.

– Да, мама, вы уже дома? – подруга заговорила приветливо, с улыбкой, но, слушая тетку Веру в трубке, быстро по-мрачнела. А закончив разговор, сунула мобильник в карман таким резким движением, каким, наоборот, меч из ножен вытаскивают.

Я поняла, что дело неладно, и вернулась с порога. Поддержала насупившуюся подругу за рукав:

– Что случилось?

– Плохо дело, – ответила Лизка и побарабанила ногтями по столешнице. – Твоя тетка сходила в лабаз, а там уже рассказывают, что Синеглазовы колдуют на ребенка. Сделали, мол, себе деревянного Буратину, потому что хотят мальчика.

– А хотели бы девочку, Снегурку из снега слепили бы? – фыркнула я.

– Как ты догадалась? – подруга подняла на меня глаза. Глаза были несчастные и уже предательски влажные.

– Ну... Я все-таки местная, в одном культурном слое, в общем инфополе с деревенскими живу, – я присела и заглянула Лизке в лицо. – Ты что, расстроилась? Подумаешь, появился еще один народный сказ – «Как Синеглазовы Буратину сделали, чтобы у них мальчик родился». У нас тут таких фольклорных произведений на многотомник хватило бы, одним больше, одним меньше... Или ты обижаешься, что тебя в колдуньи записали? Так это не по злобе, просто у тебя волосы густые, длинные, медные, а на деревне всякий знает, что красивая рыжая баба – непременно колдунья.

Тут я вспомнила про украденную деревянную голову и предположила:

– Или ты боишься, что темный деревенский люд с тобой, колдуньей, жестоко расправится? Сожжет в одном костре с головой истукана?

– Я идиотка, по-твоему? – огрызнулась подруга. – Мы, чай, не в Средневековье живем, костер мне не грозит. А что колдуньей называют – плевать, мне все равно, продажники в редакции меня вообще за глаза не Лизой, а Церебролизином кличут.

– А это потому, что ты все время призываешь их быть активнее и внимательнее, активнее и внимательнее, – невольно хихикнув, объяснила я.

– Повторяю: мне все равно! – Лизка, уже психуя, повыси-

ла голос. – Хоть горшком назовите... Но они ведь уже дали кличку Митюше – Папа Карло!

– И что? Ты боишься, что это подорвет его авторитет как участкового? Брось, у местного ветеринара вообще прозвище Айболиттл, потому что тот дядька ростом с сидящего суслика, но при этом он самый уважаемый на деревне человек!

– Алиса! Я волнуюсь не за себя и не за Митюшу, – подруга положила руки на живот.

Он у нее еще почти плоский. Если бы тетка Вера на радостях не растрезвонила на всю деревню, что скоро станет бабушкой, никто бы и не знал еще, что Лизка беременна.

– Я за нашего малыша переживаю! – плаксиво объяснила подруга. – Он ведь еще не родился, а ему уже практически гарантирована кличка Буратино!

– О-о-о...

Тут мне нечего было возразить.

И правда, как еще звать мальчишку, отец которого – Папа Карло?

Быть мальцу Синеглазову Буратино Карловичем, это точно!

– Бедный мой мальчик...

Лизка окончательно скуксилась и заплакала.

Некоторое время я смотрела на нее в полной растерянности. Потом разозлилась, но не на беременную дурочку, разумеется, а на ситуацию.

А злость – она ведь не только разрушительной, но и со-

зидательной может быть! Я разозлилась – и меня озарило: я вмиг все придумала.

– Лизавета, не реви! – сказала я строго. – Я знаю, что делать!

– М-м-м? – заплаканная Лизка воззрилась на меня с надеждой.

– Надо просто срочно подкинуть деревенским кумушкам такую сенсацию, на фоне которой наш Буратино на санках поблекнет и забудется. Изгладится из памяти народной без следа!

– Например? – подружка перестала хныкать, собралась: вся активность и внимательность, активность и внимательность!

– Не знаю, надо подумать...

Я прошлась туда-сюда по кухне, ероша волосы. Шурупкак недовольно мявкнул, своевременно убрав с моего пути свой пушистый хвост.

Что-то мелькнуло у меня в голове в связи с этим нервным хвостом, какая-то перспективная мысль...

Ага!

Я бухнулась на стул напротив выжидательно застывшей Лизаветы и воодушевленно спросила:

– Помнишь, как в позапрошлом году мы участвовали в выставке на День печати?

– Еще до коронавируса? – прозвучало это как «еще до нашей эры». – Когда у нас на стенде медиаспрут был?

– Именно! – я радостно засмеялась.

Медиаспрута на стенде газеты «Финансистъ» предложило сделать специально нанятое рекламное агентство.

На эскизах медиаспрут был здоровенный, как шкаф, и состоял из подобия огромной резиновой груши и длинных щупальцев с присосками. Спрятанный моторчик должен был порциями заталкивать в надувного спрута воздух, отчего щупальца дергались бы, как живые. Ну, вы наверняка видели нечто подобное у придорожных забегаловок, там обычно стоят надувные фигуры-зазывалы, они руками безостановочно машут – заходите, мол, к нам.

Медиаспрута надо было изготовить по спецзаказу, и это оказалось дороговато. Наш генеральный смету не утвердил, урезав и ее, и идею. В итоге спрут у нас на стенде был, но бюджетный: без груши и только с двумя надувными щупальцами.

Все остальное просто нарисовали на выгородке, в которой сделали отверстия, в них и высунули интерактивные щупальца. На моторчике для них тоже сэкономили, поэтому за выгородкой все время кто-то прятался – давил ногами надувные щупальца, чтобы они шевелились. Получилось эффектно, посетители выставки забавно ойкали, шарахались, некоторые даже спотыкались и падали.

– А помнишь, какая-то дура-баба, перепугавшись до визга, продырявила одно щупальце своим острым каблуком? – подруга проказливо захихикала.

Я поняла ее запоздалую радость без объяснения. Перепугать дуру-бабу довелось именно Лизке: была как раз ее очередь козочкой скакать за выгородкой, анимируя медиаспрута.

– К счастью, у нас было еще одно запасное щупальце, – припомнила подруга, и я кивнула:

– Вот-вот! А то, которое дырявое, мы выбросили в мусор, но я его оттуда забрала. Теперь понимаешь?

– Что именно? Что ты у нас жуткая барахольщица, никакой хлам в мусор выбросить не можешь? Это и так понятно, достаточно на твой чердак заглянуть, в кабинет так называемый! – с полоборота завелась подружка.

Я раздраженно цыкнула:

– Не начинай опять, пожалуйста!

У Лизки есть идея фикс: навести идеальный порядок на моем чердаке.

Я не выбрасывала барахло, складированное там прежними хозяевами дома, просто разгребла его по углам, расчистив достаточное пространство для рабочего места. Стул, стол, лампа, макбук – что еще нужно неприхотливому журналисту? Меня мой чердак и в его нынешнем виде вполне устраивает. А Лизка без устали организует туда набег и проводит раскопки в захламленных углах. Ведет себя как расхитительница гробниц...

– Забудь про чердак, речь сейчас не о нем, а о том, что в моей городской квартире на антресолях лежит то самое

спрутово щупальце, – объяснила я. – Оно дырявое, правда. Но, думаю, в какой-нибудь автомастерской его легко залатают. Автомобильные шины же как-то заклеивают...

– Заклеивают велосипедные камеры, автомобильные шины вулканизируют, – со знанием дела поправила меня Лизка – она у нас автовладелица.

– Да пусть хоть нитками штопают, не суть важно! – Я вскочила, снова забегала по кухне. – Так, Шура, я сейчас тебе досрочно выдам полдник, а на ранний ужин погрызешь сухой корм, хорошо?

– Уо-о, – кот ответил ворчливо, и, судя по тону, вовсе не согласием. Видимо, полностью его реплика должна была звучать как «Уо-от еще, сухим кормом давиться!».

Но я уже все решила и не позволила сбить себя с курса:

– Лиза, подъем, иди за машиной, нам срочно нужно в город.

– Зачем?!

– За щупальцем! – Я торопливо наполнила кошачьи миски и удивленно посмотрела на подругу. – Ты все еще здесь? Хочешь, чтобы твой сын стал тезкой деревянного мальчика с длинным носом, ближайшей родней табуретки?

– Нет! – Лизавета помотала головой. – Но при чем тут срочный выезд в город и щупальце на твоих антресолях?

– Поверь мне, так надо. Шевелись, я по дороге тебе все объясню.

На Лизкиной зеленой машинке, которую она ласково зо-

вет «лягушонкой-коробчонкой», мы живенько сгоняли в город и обратно. В автомастерскую заезжать не стали, поэтому обошлись без задержки и уже к ужину снова были в деревне.

– Что тут заваривать, одна маленькая дырочка, мы ее сами пластырем заклеим или скотчем, – решила Лизка, рассмотрев псевдощупальце.

Тетке Вере и Митяю подружка сказала, что мы ездили на срочное совещание в офис, и как бы не соврала, потому что в дороге, спасибо мобильному интернету, мы честно поучаствовали в редакционной планерке по зуму.

Вернувшись домой, я первым делом еще раз покормила недовольного кота, а потом все-таки написала те вопросы, которых ждал от меня директор психологического центра. И уже забираясь в постель, вдруг вспомнила, что, спешно уматывая в город, оставила без присмотра работающую стиральную машину!

Пришлось вылезать из-под одеяла, разгружать давно закончившую свою работу стиралку и идти во двор развешивать на просушку сырое белье.

Кто бы знал, что это обеспечит мне дополнительную развлекательную программу на завтра!

Завтра началось с шума и грохота.

– Что? Где? – я вскинулась, спросонья ничего не понимая, и рывкнула: – Шура! Ты что натворил?!

Неурочный шум-грохот и толстый рыжий кот ассоцииро-

вались у меня давно и прочно. Шуруппак – неутомимый организатор веселых игрищ и мелких бытовых катастроф.

– Ум-мо? – возмущенно мявкнул у меня под боком кот, энергично выбираясь из-под одеяла, которым я же его и завалила. И прозвучало это как начало нелицеприятного вопроса: «Умом ты тронулась, хозяйюшка?»

– О, прости, вижу, на этот раз ты ни при чем, – я устыдилась и извинилась, но обиженный кот не стал меня слушать и ускакал, хлеща себя хвостом, прочь, в ночь.

Точнее, в раннее утро: небо над разномастными крышами деревенских домов уже сделалось кремово-розовым, как домашнее сало, в серых прожилках тянущегося из труб дыма. За окном образовалась классическая картина «Зимнее утро в деревне». Она была бы совершенно пасторальной и благодной, если бы не повалившиеся во дворе столбы. К счастью, не те, которые резные, изображающие истуканов, а самые обычные, державшие веревки для сушки белья.

Вот, значит, что так грохотало.

Я вздохнула.

Винить в произошедшей катастрофе было некого, кроме себя.

Я неразумно оставила на веревках свежестиранное постельное белье, а ночью снова мело, снег налип на веревки и тряпки, набился в пододеяльники и наволочки, старые столбы не выдержали увеличившейся тяжести – и бесславно падали.

Содрать с закаменевших веревок примерзшие к ним просторные полотнища оказалось непросто. Пододеяльники и простыни тоже обрели фанерную твердость и при транспортировке гремели и царапали мне руки.

Кое-как я перетаскала их со двора в сени и там расставила по периметру у стен, соорудив модель индейского поселения с косыми-кривыми вигвамами нетипичной расцветки «в цветочек».

Шура было начал заинтересованно исследовать этот лабиринт, но негодуяюще фыркнул и ретировался, когда первая отмякшая наволочка потеряла устойчивость и накрыла его, как сырая попона.

Я принесла большой таз, чтобы складывать в него размороженные тряпки, и проверила, сколько у меня осталось стирального порошка. Было ясно, что белью надо перестирать. Ну, зато скучать мне не придется!

И, к слову говоря, не только мне!

Ведь после повторной стирки белью нужно будет снова сушить, а у меня тут столбы с веревками рухнули...

Поэтому я позвонила Митяю и светски молвила:

– Митюш, извини, что так рано, но у меня под тяжестью вашей стирки упали столбы с веревками. Приходи поднимать!

– И что же ты такое тяжелое стирала? – сонным мишкой заворчал разбуженный участковый. – Отмывала миллион баксов в золотых слитках?

– Нет, ваше с Лизкой постельное белье. Парадное, в цветочек. Видно, грехи его тяжкие, – ответно съязвила я.

– Ладно, жди, сейчас приду. – Обсуждать со мной многотрудную жизнь их с Лизкой простынок участковый не стал.

Я сварила кофе, сделала бутерброды, но притопавший Митяй от раннего завтрака отказался:

– Давай сначала со столбами разберемся.

Он все-таки цапнул в каждую руку по бутерброду, и, поочередно откусывая от них на ходу, проследовал на задний двор. Я перелила свой кофе в термостакан с крышкой, пошла за братцем и чуть не влипла в его широкую спину, когда он резко остановился.

– Фигасе! Уже двух голов не хватает?!

В первый момент я не поняла, о чем он говорит – у меня на подворье никакой скотины, которую по головам считают, отродясь не водилось. Потом я проследила направление остановившегося взгляда Митяя, выронила стакан и выругалась так, что братец вышел из ступора, уважительно пробормотав:

– Ух какие слова ты знаешь...

Я с чувством повторила те слова на бис.

– М-да, ситуевина... – Митяй нервно захрустел подмерзшим бутером. Догрыз его ускоренно, отряхнул руки, пошел к истуканам. – Опять, значит, отряд не заметил потери бойца... Ты, конечно же, ничего не видела, не слышала?

Я помотала головой. Слезы посыпались направо-налево

стеклянными шариками.

– Спала я...

– Спала ты... Понятно, – Митяй ладонью измерил высоту белых шапок на всех чурбанах, стряхнул снег с тех двух, что сделались пониже прочих, задумчиво отвесил щелбан сиротливо торчащей винтообразной шее. – Опять скрутили башку, как и в прошлый раз. И снова перед снегопадом, так что все следы преступника завалило.

– Снегом, столбами, веревками и пододеяльниками, – зачем-то перечислила я.

Типа, подчеркнула, что завалило преступные следы на редкость основательно.

– Ну, положим, столбы – это не проблема, – Митяй попинал «не проблему» валенком и посмотрел на дом соседей – там уже светились окошки. – Сейчас я Сему попрошу, столбы он тебе поднимет. А вот что с чурбанами делать... Может, напишешь уже заявление, чтобы я официально дело открыл?

– Никаких официальных заявлений, – решительно возразила я. – Это дело нужно уладить тихо, чтобы Андрюша ничего не узнал.

– Тогда ты хоть накрой чем-нибудь истуканов, чтобы их безголовость в глаза не бросалась, – посоветовал Митяй.

Совет был дельный. Я порылась в сарайчике, нашла там старую клеенчатую скатерть – непрозрачную, плотную и блестящую, в веселеньких подсолнухах, и мы с Митяем в четыре руки на манер навеса разместили ее поверх чурбанов, скрыв

их ущербность загнутыми вниз углами.

– Так-то лучше, – сказал Митяй и заторопился. – Все, я домой, позавтракаю и на службу поеду, а к тебе придет Семен, я его сейчас вызвоню, жди.

Ушел он недалеко. Из-за угла дома навстречу нам Снегуркой в белой пуховой шали вальяжно выплыла румяная Лизавета:

– А что это вы тут делаете?

– У меня опять беда, – объяснила я. – Даже две беды...

– Дураки и дороги?

– Нет, это наши общенародные проблемы, а у меня особые – со столбами. Обрушены те, что для сушки белья, и обезглавлен второй истукан!

– Это ворюга так разбушевался?!

Мы с Митяем переглянулись. Мысль о том, что в обрушении бельевых столбов виноват похититель деревянных голов, в наши собственные головы не приходила.

– Да нет же, зачем ему это? – с сомнением молвила я.

– Запутать, дезориентировать, напугать! Грохотали же небось столбы эти, падая? – Лизка дожимала версию.

– Так, все, Ляся идет в дом, а мы – к себе.

Митяй попытался подцепить супругу-фантазерку под локоток, но она ловко вывернулась:

– Я с Алисой останусь, ей необходима моральная поддержка!

– А моим столбам – физическая, – напомнила я. – Митяй,

звони уже Бурякову.

– Звоню, – согласился братец и полез в карман за сотовым.

– Погоди, ответь-ка, пока я опять не забыла, – остановила его Лизка. – Не случилось ли в последнее время в Пеструхи-не других странных краж?

– А что считать странной кражей? – философски спросил участковый. – Вот у деда Селиванова самогонный аппарат сперли, и он, бедолага, мается теперь, писать ему заявление или не нарываться. У Галки Петровой с коровы Зорьки колокольчик медный сняли, у тетки Федоры Васильченковой прямо с подоконника лекарственное растение умыкнули, а она это алоэ чуть ли не всю свою жизнь растила...

– Стоп! – Лизка выставила ладошку. – Уточняю запрос: не случилось ли в деревне странных *серийных* краж?

– Как не случаться, у нас в Пеструхине, как в Греции, – все есть, – похвастался участковый. – К примеру, у богатея из новеньких, Фролов его фамилия, со стройки дома на Поле Чудес стальные листы прут без устали, уже с полдюжины утащили. А кто, как – непонятно. По одному, по два тырят, они же тяжелые...

– Смотри-ка, совсем как у тебя, Алиска! Чурбановы головы тоже тяжеленные, и прут их поштучно! – обрадовалась ситуативному сходству подружка.

– Да нет, Лизок, у Фролова сторожа и собаки, вокруг участка забор трехметровый, а у Ляски натуральный проходной двор, так что ничего общего. Хотя... – Митяй задумался.

мался. – Там ведь тоже крадут аккурат перед снегопадами, как будто знают их точное расписание... Вот откуда бы?

– Это как раз понятно: от дяди Бори с метеостанции, – уверенно сказала я, потому что и сама уже давно не пользуюсь прогнозами разных там гисметео и прочих не внушающих доверия интернет-ресурсов. – У него вся деревня информацию о погоде получает, дядя Боря – это вам не метеорологи из анекдотов, он никогда не ошибается.

– Чай, не Мерлин, – кивнул Митяй, уместно вспомнив персонажа Стругацких, произведениями которых мы оба зачитывались в детстве. И тут же оглянулся на Лизку, чтобы похвастаться: – Ты, кстати, знаешь, что дядя Боря Петров нам родственник? Он мамкин троюродный брат.

– Ой, да кому только тот дядя Боря не родственник, – фыркнула Лизка, показав, что все она знает. – У него три жены было, нынешняя четвертая, и от каждой дети! И на что он, бедняга, живет, если всем алименты выплачивает?

– А вы, Лизавета Николавна, быстро адаптируетесь, вот уже и сплетничаете, как деревенская бабка, – уколола я подружку, слегка обидевшись за дядю Борю.

Он ведь не только наш родственник, но и просто хороший человек. Добродушный, безотказный. Ну и что, что у него уже три жены было и с четвертой он, по слухам, тоже разводится? Всем своим детям и женам дядя Боря помогает, как может. А со мной всегда здоровается, останавливается поболтать и непременно спрашивает, не нужно ли чего.

Мы специально-то не встречаемся, но иногда сталкиваемся в местном Большом Каньоне – через него и наши с Буряковыми огороды пролегает самый короткий путь на метеостанцию и к часовне, от которой много автобусов в город.

– Не мерзните тут, идите уже в дом! – Митяй подтолкнул женушку на ступени крыльца и заспешил к калитке, на ходу тискавая виртуальные клавиши мобильного.

– Семену звонит, – объяснила мне Лизка очевидное и скрылась в сенях.

Я поднялась за ней, мы вместе собрали с пола валяющиеся там сырые тряпки, снова затолкали их в стиралку, съели по творожному сырку, выпили чаю, и Лизка спросила:

– Ну? Когда мы тронемся?

– Кто-то мог бы сказать, что мы и сейчас уже не в своем уме, – самокритично заметила я.

– Муо, – ехидно поддакнул из своего угла Шуруппак.

– Не в том смысле! – Лизка погрозила пальцем сначала Шуре, потом мне. – Я спрашиваю, когда мы начнем операцию «Спрут»?

– Про спрута я и забыла, – призналась я. – Такое бурное выдалось утро...

И посмотрела в окно. Над забором в направлении моей калитки как раз проплыла енотовая ушанка, потом послышалось:

– Тук-тук, есть кто дома?

Я покричала, встав на цыпочки, в открытую форточку:

– Сема, заходи, у нас не заперто!

Семен Буряков, угрюмый бородач и мастер на все руки, от приглашения в дом отмахнулся варежкой, вошел во двор и сразу двинулся к порушенным бельевым столбам, не теряя время на церемонии.

Я сбегала во двор, показала Семе фронт работ, услышала именно то, что хотела – «Ща поправим, не мельтеши тут!» – и вернулась к Лизке:

– А вот теперь мы можем заняться спрутом.

Получасом позже мы с подругой вышли из дома, и я с крыльца озабоченно покричала соседу:

– Сема, ты не видел кота моего? Запропастился куда-то...

Семен, закрепляющий поднятый столб, неласково ответил в том смысле, что глаза бы его моего рыжего разбойника не видели, а в окне над нашими головами предательски стукнула форточка, в которую и протиснулся искомый кот.

С удивлением, граничащим с сомнением в моей вменяемости, Шуруппак посмотрел на нас с Лизкой сверху.

Мы, игнорируя его, дружно и громко покричали «кис-кис», после чего, делая вид, будто не замечаем предельно округлившихся кошачьих глаз, через двор и по огороду проследовали в каньон и далее – к реке.

Всерьез озадаченный Шура остался сидеть, неотрывно глядя нам вслед.

– Надо было его в дом загнать и на чердаке запереть, – сказала Лизка, прощально оглянувшись на кота, который за-

мер у крыльца подобием пушистой елочки, только не зеленой, а рыжей.

– Не надо, сейчас он очнется и пойдет гулять, пусть деревенские видят, что котик действительно шастает сам по себе, это подкрепит мою легенду, – возразила я.

– Нашу легенду! – поправила подружка.

– Мою, – с нажимом повторила я. – Мы договорились, что ты будешь держаться в стороне, иначе смысла нет затевать это шоу со спрутом. Если его героиней будешь ты, получится всего лишь новый эпизод саги о Синеглазовых.

– Я помню, помню, – досадливо отмахнулась Лизка.

Ее кипучей натуре претила необходимость оставаться на вторых ролях или даже вовсе за кадром.

– Кота звать не забывай, – не получив главной роли, подружка решила стать режиссером нашего шоу.

– Сейчас уже не надо, вокруг никого, я только привлеку ненужное внимание, – возразила я.

Мы просквозили по каньону и вышли к замерзшей реке. Там было белым-бело и довольно ветрено. Я поежилась.

– Держи! – Лизка сняла с себя просторную белую шаль, укрыла меня ею с головой. – И это тоже.

Я приняла у нее белую бязевую наволочку, на данном этапе играющую роль мешка, заглянула в него, проверяя содержимое, и оправила складки шали, укрывающей меня с макушки до колен. Ниже белели валенки. Вся в белом, как снайпер в зимнем маскхалате, я не должна была диссониро-

вать с заснеженной поверхностью замерзшей реки.

– Только, ради бога, не выходи на неокрепший лед и внимательно смотри под ноги, – попросила Лизка. – Нужна всего лишь небольшая лунка, такая наверняка найдется, по дороге к тебе я как раз разминулась с дядей Петей Гороховым, он возвращался с рыбалки.

Я кивнула: про дядю Петю мы уже говорили, как раз на его лунку и рассчитывали.

– Все, мы пошли, – я похлопала по своему мешку из наволочки и осторожно, приставным шагом, пошла по речному льду.

Сверху снова сыпался снежок, но редкий, скрыть цепочку следов, оставленных дядей Петей, он еще не успел, и я безошибочно вышла прямо к искомой лунке.

Воду в ней уже затянуло прозрачной корочкой, но на такой случай у меня в мешке была припасена деревянная скалка, и ею я быстро разбила тонкий ледок.

Потом я достала из мешка его основное содержимое – щупальце незабвенного медиаспрута.

Мы с Лизкой загодя, еще дома, с помощью велосипедного насоса надули его, но не слишком плотно. Скрученная аккуратно рупомом трехметровая кишка прекрасно поместилась в наволочку.

Теперь я затолкала широкий конец шипастой серо-розовой колбасины поглубже в лунку, разместила на льду три метра пугающей красоты изящным вензелем и немного по-

любовалась своим рукоделием.

Мобильник у меня в кармане затрясся – оставшаяся на берегу Лизавета проявляла нетерпение.

– Ну, как тебе вид? – спросила я ее, ответив на звонок.

– Супер! Жуть жуткая! – радостно ужаснулась подружка. – Мне кажется, или оно даже шевелится, как живое?

Я оглянулась на щупальце и поспешила наступить на его дергающийся кончик. В самом деле как живое!

– Конец запровлен глубоко, а течение сильное, если воздух еще спустить – вода утащит под лед все щупальце, – объяснила я Лизке.

– Как и было задумано, – удовлетворенно отметила она. – Заплатку ты видишь? Я ее красным отметила, чтобы тебе долго не искать.

– Вижу, – я нашла глазами блестящий квадратик скотча с приклеенной к нему закладкой-стикером. Красный язычок дразняще трепетал на ветру. – У меня все готово!

– Тогда приступай! С богом!

Мельком подумав, что, право, даже не знаю, какой конкретно бог мог бы нам сейчас пригодиться (Посейдон? Нептун?), я сбросила звонок подруги и нашла в списке контактов загодя внесенный туда номер метеостанции.

Она стоит на высоком берегу, оттуда должен открываться превосходный вид на нас со спрутом.

– Дежурный метеостанции, – после пары гудков отозвался сонный мужской голос.

– Вы там на мать-ее-станции своей совсем за рекой не следите?! – сразу же заорала я скандальным голосом базарной торговки. – А-а-а-а! Отпусти меня, тварь!

– Женщина, это кто вам тут тварь? – обиделся дежурный. – И что за претензии, мы очень внимательно наблюдаем...

– Хреново вы наблюдаете! – рывкнула я – базарная торговка. – На реку посмотри, идиот! А-а-а-а! Помогите!!!

Я сбросила маскировочную шаль, чтобы меня лучше было видно с высокого берега, и, быстро наклонившись, обернула тонкий мягкий конец щупальца вокруг своей ноги, затолкав самый краешек в валенок, под тугую резинку плотного шерстяного носка.

Потом поглядела вверх, на крутой берег, увидела появившуюся там человеческую фигуру в распахнутом пуховике и энергично, как полотер, заелозила валенком по льду, изображая борьбу со схватившим меня за ногу спрутом.

Щупальце отзывчиво задергалось, заволновалось, явив себя публике во всей своей ужасающей красе.

Я снова заорала, но сообразила, что вряд ли меня кто-то слышит по телефону – в трубке уже шли гудки, дежурный убежал от стационарного аппарата и выскочил на обрыв.

Я ожидала, что он помчится мне на помощь, но – нет: мужик застыл как вкопанный на краю откоса. Вытянул руку, как скульптурный Ленин, замер...

Вот ведь скотина бессердечная! А если бы меня на самом

деле тянул в пучину вод злобный кракен?!

– Спасите! Помогите! – закричала я просто так, без телефона.

Стоит, гад! Смотрит. Руку тянет...

Что у него в руке той, не пойму, неужто крест животворящий?

Воздвигся, аки заклинатель нечисти, изгоняющий кракена...

Тут заклинатель шевельнулся, в руке его остро блеснул солнечный зайчик, и до меня враз дошло, что он делает: снимает нас со спрутом камерой мобильного!

– С-скотина! – Я поняла, что шоу пора заканчивать, потому как действие пошло не по сценарию.

Предполагалось, что я просто утоплю щупальце, когда добрый человек с метеостанции бросится мне на помощь.

Что ж, так или иначе, к финальной сцене мы со спрутом были готовы.

Не прекращая вопить, я упала на колени – типа, кракен почти одолел меня, бедную! – нашла глазами красный язычок и сдернула с резиновой плоти заплатку из скотча.

Щупальце печально засвистело и обмякло, а я снова вскочила на ноги и быстро запинала его в лунку.

Течение сделало все остальное, эффектно затянув под лед трясущийся шипастый хвостик.

Мне почудилось или я услышала аплодисменты?

Не почудилось: Лизка в прорези Большого Каньона ра-

достно подпрыгивала и била в ладоши.

– Сказала же – прячься! – Я подхватила свои манатки – шаль, наволочку и скалку, быстро вернулась на берег и увлекла подругу поглубже в ущелье. – Ты, типа, ничего не видела, тебя вообще тут не было. Все, дело сделано, финита ля комедия, живо уходим!

– Чего ты разволновалась? – удивилась подруга. – Так мужественно сражалась с подводным монстром, а теперь истеришь!

– Дежурный с метеостанции снял нас со спрутом на камеру мобильного, – пожаловалась я.

– Так это же прекрасно! – обрадовалась Лизка. – Он наверняка сольет эту запись в сеть, и ты сможешь увидеть все со стороны!

– Видео в интернете – это уже перебор, нам же всего лишь нужно было запустить механизм «одна баба сказала», точнее, в данном случае, один мужик. – Я тащила подружку за собой, торопясь удалиться от места явления спрута народу. – Ты ведь сама в газете работаешь, неужто не понимаешь, какой эффект произведет такое видео?

– Ой, подумаешь, мало ли в сети разных фейков! – Лизка выдернула из моего захвата свой рукав. – Успокойся уже! Не совсем, немного тревоги оставь и кота звать не забывай, мы же как раз его ищем...

Озабоченно кискикая на два голоса, мы с подругой рысцой промчались по каньону и огороду, выскочили во двор –

Семена Бурякова там уже не было, а бельевые столбы опять стояли ровно – и только на крыльце, опираясь на перила, отдышались.

– Фу-ух, – сказала я, обмахивая разгоревшееся лицо. – Ох, не простое это дело – организация шоу...

– Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота, – детским стишком поддакнула мне Лизка.

– Ох, нелегкий это труд – не утонет в речке спрут, – переиначила я другой стишок.

– Утонет, куда он денется, – успокоила меня подружка. – Может, всплывет по весне где-нибудь в сотне километров вниз по течению... Но это будет уже совсем другая история. Идем уже в дом, я опять проголодалась, у тебя же найдется что-нибудь вкусненькое?

После позднего завтрака мы с Лизаветой снова развесили на реанимированных веревках во дворе повторно постиранное белье и разошлись по хаткам – трудиться. Подруге надо было обзвонить десяток-другой клиентов, полуготовых потратиться на размещение рекламы в изданиях нашего медиаспрута (хи-хи!), а мне – написать дежурную колонку для модного сайта «Тренды-бренды».

Тему мне дали дивно актуальную: белый тотал-лук! Можно было только пожалеть, что из соображений секретности я не могу поделиться свежим экспериенсом составления полностью белого наряда с единственным ярким акцентным ак-

сессуаром в виде имитации щупальца кракена, ведь личный опыт «Тренды-бренды» только приветствуют.

Примерно за час я накатала большой текст об утонченности, праздничности и универсальности белой палитры, которая освежает, омолаживает и дивным образом преобразует внешность... что правда – то правда, меня в образе «женщины в белом», надеюсь, было не признать... Потом полезла в интернет искать картинки для иллюстрации материала.

Как все же жаль, что я не попросила Лизку сфоткать меня в необычном и оригинальном образе «тотал-уайт по-деревенски»: просторная шаль, валенки, варежки, сумка-мешок из экологически чистой бязи – все безупречно белое и модное! Снегурка обзавидовалась бы!

Но разных теток в белом в сети было валом, так что я запросто набрала подходящих картинок к тексту, а потом не выдержала и забила в строку поиска выразительный набор слов: щупальце, спрут, прорубь, река.

Яндекс тут же выдал мне ссылку на ютьюб, а там без промедления нашлась свеженькая видеозапись под названием «Из речной проруби высунул щупальце спрут!!!!!».

Количество восклицательных знаков само по себе говорило о том, как сильно впечатлен увиденным автор ролика, плюс он и в записи азартно комментировал происходящее, правда, использовал преимущественно непечатные слова. Если их выбросить, закадровый текст звучал бы пунктирно: «..., ..., ..., что за...?! Это... осьминог... можно, какой

огромный, ни... себе... щупальце метров пять... его!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.